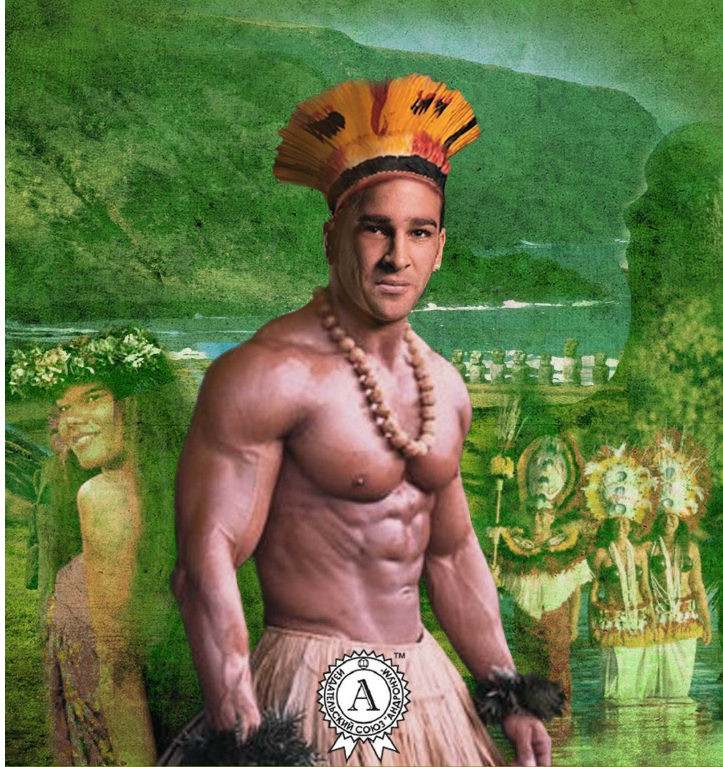

Брячеслав Галимов
ДЕМОНЫ
ОСТРОВА ПАСХИ

СОКРОВЕННЫЕ ИСТОРИИ ВОСТОКА

Галимов Брючеслав
Демоны острова Пасхи
Серия «Сокровенные
истории Востока», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16405256

Аннотация

Роман «Демоны острова Пасхи» входит в трилогию автора под названием «Сокровенные истории Востока». Это красивая и захватывающая история о том, каким был один из самых загадочных островов мира ранее. Автор воссоздал атмосферу обычаев и нравов жителей Пасхи, а также попытался объяснить причину гибели древней цивилизации. В гуще событий – заклятия, черные колдуны, жадный и жестокий вождь и сын простого рыбака, по воле случая втянутый в эти страшные и непредсказуемые обстоятельства. Помимо данного произведения, в трилогию Б.Галимова включены роман «Большая волна. Роман из средневековой японской жизни» и повесть «Добрый царь Ашока».

Содержание

Исход	4
Через тысячу лет. Праздник Птиц	9
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Брячеслав Галимов

ДЕМОНЫ ОСТРОВА ПАСХИ

Исход

Коралловые змеи выпили всё молоко у коров. Змеи были очень красивы – когда они ползли в траве, их разноцветные тела переливались и мерцали. От быстрого движения яркие поперечные полосы сливались и плыли в обратную сторону, так что казалось, что змея ползет назад, а не вперед. Однако коровы видели приближение опасности; они тревожно мычали, а иногда пытались бежать, но это было бесполезно. Змеи настигали их, цеплялись к сосцам и выпивали молоко до последней капли. Это повторялось изо дня в день, и, в конце концов, коровы падали от истощения. Избавиться от такой напасти было нельзя: сколько люди не убивали коралловых змей, тех не становилось меньше.

Между тем, урожай батата уменьшался с каждым годом, хотя люди упорно рубили леса для расширения полей. Лесов почти уже не осталось, повсюду раскинулись бескрайние поля, однако съедобных клубней собирали так мало, что голод убивал не только бедных, но и богатых. Засуха, болезни,

грызуны и насекомые уничтожали батат еще до того, как он успевал вырасти.

Насекомые стали бедствием для людских жилищ: жуки и термиты ползали по полу, стенам, потолку разрушая их. Было уже немало случаев, когда дома падали от дуновения ветра и погребали под своими обломками мужчин, женщин и детей.

В добавление ко всем бедам исчезла вода; реки пересохли, а бездонное озеро обмелело настолько, что стало похоже на ничтожный грязный пруд. Дожди прекратились – за пять лет на небе не появилась ни одна туча. Жертвоприношения Богу Дождя не помогали, он был равнодушен к ним и оставался безжалостен к людям.

Было ясно, что наступают последние времена: многие видели, как из земных недр выходят безобразные чудища, – и все слышали, как по ночам жутко воет и рычит страшный зверь Рекуай. Когда-то его загнали на Луну братья-близнецы, – воспитанные мудрой лягушкой сыновья ягуара и женщины, – те, что научили людей добывать огонь, выращивать батат, заниматься ремеслами. После того как старший брат вознесся на небо, а младший по приказанию богов должен был вечно держать земной свод в наказание за своеволие, зверь Рекуай еще долго не решался покинуть свое убежище на Луне, но ныне он осмелел и вновь спустился на Землю. От него не было спасения: все знали, что он не успокоится, пока не сожрет всех людей до единого.

В тоске и слезах проводили люди бессонные ночи; бессильны были вожди, бессильны были жрецы...

Но боги не дали погибнуть людскому роду, они явили свою безграничную милость, — и неведомо откуда пришел Спаситель. Он был бородатым и белолицым, от него исходило сияние, и люди поняли, что перед ними Сын Солнца. Его избрали вождем над вождями и поклялись повиноваться ему безоговорочно.

Сын Солнца сказал людям, что место, где они живут, проклято, и жить тут больше нельзя. Он велел им построить большие плоты из базальтового дерева, сшить крепкие паруса и изготовить надежные весла. В назначенный день люди погрузились на эти плоты и отправились в долгое плавание по океану.

Дважды они попадали в шторм; ветер дул так сильно, что обнажилось дно океана, а волны были похожи на горы. Плоты проваливались в бездну и ударялись об грунт, но тут же вздымались на такую высокую волну, что прорывали облачную пелену, взлетали к небу, и людям трудно было дышать от недостатка воздуха. Пять плотов бесследно исчезли во время этих штормов — то ли остались на дне океана, то ли застряли на небе в густых тучах.

В период затишья золотые макрели, резвые дельфины и жирные тунцы плыли около плотов; стаи летучих рыб пролетали над головой. Ночами темная гладь океана покрывалась таинственными огнями; кроме того, люди видели круглые

светящиеся глаза чудовищ, поднимающихся из морской пучины. Как-то ночью такое чудовище влезло на один из плотов, схватило своими щупальцами трех человек и утащило в океанскую глубину. Никто не посмел сразиться с ужасным монстром: все застыли, охваченные ужасом.

Еще несколько человек сожрала громадная зубастая рыба, в брюхо которой влезли бы десять плотов с мачтами и парусами, но она проглотила только один, предварительно раздробив его своими мощными челюстями.

Два плота сгорели, столкнувшись с неведомой тварью, которая лежала, как скала, у самой поверхности моря. Ее заделли ненароком, не успев обойти; она испустила синие всполохи пламени, в мгновение ока испепелившие эти плоты вместе с находившимися на них людьми.

Но самый страшный час плавания настал, когда появился морской змей. Его ящероподобная голова была выше ста домов, поставленных друг на друга, а чешуйчатое туловище тянулось до горизонта, так что хвоста не было видно. Люди поняли, что пришла их смерть; они упали на плоты и замерли в ожидании близкого конца. Лишь Сын Солнца не дрогнул и не растерялся: громовым голосом он приказал змею удалиться, и тот подчинился, с шипением погрузившись в море.

На четвертое полнолуние люди достигли берега. Земля, на которую они ступили, была прекрасна и изобильна. Здесь были леса и луга, озера и реки; хищных зверей не было во-

все, зато водилось множество дичи, – не говоря уже о рыбе, озерной и морской.

Сын Солнца сказал людям, что это остров, который лежит в самой середине океана. Здесь не бывает засухи, почва плодородна, и можно собирать два урожая батата в год. Многие тысячи людей могут жить на этом острове в течение многих тысяч лет, не зная нужды. Им можно ничего не бояться: ни голод, ни жажда, ни болезни не страшны им, – так же как не страшны нашествия врагов. Тут можно не ставить стены, не ковать оружие, и не надо приносить жертвы Богу Войны.

Мир и процветание да пребудут с вами во веки веков, сказал еще Сын Солнца, но помните, что всё теперь в вашей власти. Там где вы жили раньше, вы были слабы и беспомощны; здесь же вы сильны, почти как боги.

Сказав так, он взошел на плот и покинул остров. Люди с плачем проводили Сына Солнца, они спрашивали его, когда он вернется. Он же, утешая их, говорил, что придет обратно, но прибавил – это будет нескоро.

Через тысячу лет. Праздник Птиц

Птицы почитались на острове с незапамятных времен. Из поколения в поколение передавалась легенда о том, как первые поселенцы обратились с просьбой о покровительстве к Большой Птице – богине многочисленных птиц острова. Большая Птица благосклонно приняла их просьбу: она стала оберегать людей.

В честь этого события каждый год проводился Праздник Птиц. На краю плато, на прибрежных скалах строили святилище – площадку круглой формы с алтарем, обнесенную деревянной изгородью. В первый день праздника люди надевали свои лучшие наряды и шли к этому святилищу. Там верховный жрец возносил благодарственную молитву, обращаясь сначала, по обычаю, к Сыну Солнца, а затем к главной героине сегодняшнего дня – Большой Птице. Жрец напоминал Птице, как ее любят островитяне, и просил не оставлять их без покровительства и впредь. Затем он разбрасывал на алтаре корм для Большой Птицы, – на следующее утро по остаткам пищи можно было судить, благосклонно ли относится богиня к островитянам или гневается на них: если она поела хорошо, значит, благожелательно настроена к людям; если богиня поела плохо, значит, за что-то сердится на них.

В последнем случае, надо было умиловить Большую Птицу. Чем именно – знал верховный жрец, носящий гор-

дое имя Баира: на древнем языке первых поселенцев «Ба-ираа-а» означало «Любимец богов». Обязанности Баиры были тяжелыми и многообразными: помимо того, что он был посредником между богами и людьми, помимо того, что он должен был следить за погодой и движениями звезд, – верховный жрец являлся одновременно предсказателем будущего, врачом человеческих душ и тел, лекарем домашней птицы, и прочее, прочее, прочее.

В своей жизни верховный жрец был связан строгими правилами воздержания, но в определенные дни к нему приводили красивейшую молодую девственницу. Если она через положенный срок после этого рожала сына, он впоследствии становился желанным женихом для любой девушки острова; если рождалась дочь, она давала обет служения богам, что подразумевало безбрачие.

...После того как на Празднике Птиц верховный жрец произносил молитвы и оставлял на алтаре пищу для богини, начиналась вторая часть действия. Самые храбрые, самые ловкие, самые сильные юноши, собравшиеся со всего острова, вступали в борьбу за право добыть яйцо из гнезда морского орла.

Для того чтобы достичь гнезда орла, надо было спуститься по скалам к морю, пересечь бурлящие воды залива, подняться на каменную гряду одного из его трех островов; а потом, с яйцом морского орла в руках, проделать весь этот путь обратно. Смельчаков, решившихся на такой подвиг, ждало

множество опасностей: можно было сорваться со скал, утонуть в море или погибнуть от ударов железного клюва орла, – ведь эти птицы яростно защищают свои гнезда. Но зато победителя в нелегком соревновании чествовали как героя и прославляли его имя целый год.

Понятно, что каждый молодой человек на острове мечтал победить на Празднике Птиц. В этом году двое из них могли всерьез рассчитывать на удачу: Тлалок – сын вождя, и Кане – сирота, сын рыбака. У Кане был друг Капуна: они держались вместе, – а Тлалок стоял поодаль от юношей, готовившихся к испытанию, и поглядывал на них с презрением. Он был уверен, что ему нет равных, потому что никто не мог противостоять ему в поединке, опередить в беге или плавании.

Капуна, между тем, сильно волновался. Он решил участвовать в борьбе за яйцо морского орла за компанию со своим другом, но в глубине души чувствовал, что не готов к этому.

– Как ты думаешь, скалы высохли после дождя? Они не очень скользкие? – спрашивал он.

– Скоро узнаем, – отвечал Кане.

– Да, скоро мы узнаем, – повторил Капуна, переминаясь с ноги на ногу. – А как ты полагаешь, морские орлы уже вернулись к своим гнездам? – продолжал он вопрошать.

– Скоро мы выясним и это, – сказал Кане. – Смотри, твоя Мауна пришла на праздник.

– Где она? – оживился Капуна.

– Вон там, около святилища. Вместе с другими девушками.

– Вижу, – довольно улыбнулся Капуна. – А говорила, что не придет. Мы с ней вчера поссорились.

– Опять? Вы с ней ссоритесь по десять раз на дню.

– Это она со мной ссорится. Я с ней не ссорюсь. Хорошо тебе, Кане, у тебя нет девушки, и ты не знаешь, что это за штука – любовь.

– Да, любовь – пустое и бесполезное чувство, – согласился Кане. – Когда придет время жениться, я просто выберу себе крепкую девушку с большой грудью и крупными бедрами, которая нарожает мне много детей, выкормит их и вырастит здоровыми. Ну, и конечно, чтобы она могла вести хозяйство и выполнять все работы, которые обычно выполняет женщина. Причем здесь любовь? Боги велют мужчине создать семью, а любовь посылают нам демоны, стараясь сбить нас с истинного пути. Если хочешь быть настоящим мужчиной, Капуна, гони любовь прочь!

– Попробуй, прогони ее, – еле слышно пробормотал Капуна, но слова его были услышаны теми юношами, которые стояли рядом, и показались им очень забавными. Они громко рассмеялись; тогда Тлалок, сын вождя, прокричал:

– Эй, вы, не забывайте, что находитесь на священном Празднике Птиц, а не на сельской вечеринке! Я не понимаю, зачем вы вообще сюда пришли, и какой вам прок участвовать в этом соревновании, но уж коли пришли, стойте тихо,

не гогочите и не издавайте диких воплей!

Кане задрожал от ярости; Капуна схватил его за руку и прошептал:

– Сейчас нельзя задевать драку. Молчи, прошу тебя.

Кане несколько раз глубоко вздохнул, чтобы справиться с гневом, а после проговорил:

– Каков наглец! Он забыл, что он такое. Впрочем, так же как и его отец Аравак. Можно подумать, что вождь выбирает себе народ, а не народ – вождя. В древние времена Аравака уже давно убили бы за подобное поведение. Народ имеет право убить вождя, если вождь плохо обходится с народом. Мы многое даем вождю и многое ему позволяем, но и спрос с него будет особый.

– Молчи, молчи, прошу тебя, молчи! – шептал Капуна. – Ты накличешь на нас беду.

– Все беды мы вызываем сами, учил нас великий Сын Солнца.

– Молчи, прошу тебя... Гляди, уже показались носилки с верховным жрецом.

На поле перед святилищем установилась полная тишина. Баиरे помогли спуститься на землю, устланную пальмовыми листьями, а возле него встал Аравак. Вождь был в праздничном одеянии, но лицо его было грозным. Люди боялись смотреть ему в глаза: взгляд Аравака был тяжелым и непереносимым.

Баира сказал:

– О, народ острова! Только что я говорил с Большой Птицей перед ее алтарем.

По толпе прошел благоговейный трепет.

– Дух Большой Птицы явился мне. Он был грозен и прекрасен, – продолжал Баира. – Он поведал, что богиня птиц довольна нами: мы чтим ее, как должно. Она готова защищать нас, как защищала до сих пор. Так вознесем же благодарственную молитву Большой Птице, все вместе, сообща, – Баира воздел руки к небесам. – О, величайшая богиня птиц! Мы, твой народ, взываем к тебе. Будь милостива к нам, защити и спаси нас; прости народ твой, если по неразумению он творил недоброе!

Люди хором повторяли эти знакомые всем слова. Закончив молитву, Баира опустил руки, повернулся к юношам, выстроившимся в ряд около святилища, и торжественно сказал:

– А теперь пусть лучшие из лучших отправятся за яйцом морского орла. Их состязание угодно Большой Птице, которая благоволит смелым и сильным. Самому достойному она дарует победу, и мы воздадим должное храбрецу... Готовы ли вы, молодые герои?

– Да, мы готовы, – отвечали юноши.

– Тогда приступаем. Пусть бросят вверх копье, и как только оно коснется земли, отправляйтесь в путь.

Копье было брошено; вот оно упало на землю, и юноши побежали к прибрежным скалам. Народ бросился за ними:

встав на краю обрыва, люди кричали, поощряя смельчаков. Баира и Аравак поднялись на специально сооруженный для них помост, и оттуда наблюдали за состязанием.

Многие хотели, чтобы победил Тлалок. Он с самого начала обогнал своих соперников: быстро спустился к морю, ни разу не оступившись, в то время как один из юношей сорвался со склона горы и погиб, разбившись о камни. В море погиб еще один из молодых людей; он вдруг вскрикнул и скрылся под водой, – возможно, попал в водоворот, которые часто возникали в этом месте.

Достигнув маленького острова, Тлалок стал ловко карабкаться наверх, туда, где были гнезда орлов, но в этот момент люди увидели, что его настигает другой юноша: он полз по скале чуть в стороне от Тлалока.

– Кто это? Что за человек? Откуда он? – раздались возгласы в толпе.

– Он из нашей деревни, – сказал кто-то. – Сын рыбака, Кане.

– О-о-о! Сын рыбака! Он, что, хочет победить Тлалока? Лишь напрасно погубит свою жизнь. Но пусть попытается. Увидим, чем все закончится.

Тлалок подобрался к гнезду, и Кане подобрался к гнезду; Тлалок схватил яйцо морского орла, и Кане схватил яйцо орла; Тлалок пустился в обратный путь, и Кане пустился в обратный путь. Всё теперь зависело от того, кто скорее вернется назад.

На берегу слышались изумленные возгласы: сын рыбака явно опережал сына вождя. Симпатии людей мгновенно перешли к Кане:

– Что за молодец! Вот так сын рыбака! Его избрала Большая Птица, он победит, можно не сомневаться!.. Кане, быстрее! Ты почти уже победил!

Когда Кане поднялся на плато, – мокрый, грязный, с ободранной кожей на локтях, коленях и животе, – десятки рук подхватили его и понесли к помосту, где стояли Баира и Аравак. Там Кане поставили на землю, и он, окруженный плотным кольцом ликующих людей, поднял над головой яйцо орла и показал верховному жрецу.

Баира покосился на Аравака; вождю, конечно, не понравилось, что его сын проиграл, но по виду Аравака этого нельзя было понять: он растянул губы в улыбке и ласково кивнул Кане. Тогда Баира громко произнес:

– Слава победителю! Объявляю его Сыном Большой Птицы, и до следующего Праздника Птиц пусть прибавляет это имя к своему собственному имени!.. Как тебя зовут юноша? Кане?... Слава Кане, Сыну Большой Птицы, победителю на Празднике Птиц!

– Слава победителю! Слава Кане! – подхватили в народе.

– Слава Кане, – повторил Аравак, глядя поверх толпы на своего сына Тлалока, который появился на краю обрыва. Услышав, как люди славят Кане, Тлалок бросил с таким трудом добытое яйцо в море. Аравак нахмурился и чуть качнул

головой, предостерегая сына от ненужных действий. Тлалок развернулся и побежал прочь; его никто не видел – все с нетерпением ждали, когда появится прекраснейшая из девушек, посвятивших себя богам, и возложит на голову победителя убор из драгоценных перьев гигантской птицы Моа.

Ударили звонкие барабаны, раздался трубный рев больших морских раковин, и из ворот святилища вышла Парэ – любимая дочь Баиры. Толпа восторженно выдохнула: Парэ, без сомнения, была самой красивой девушкой острова. Красота ее была столь ослепительна, что, случалось, люди теряли зрение, заведя Парэ. Голос ее был нежен, как журчание тихой речки; походка так легка, что ноги Парэ не мяли траву, по которой она шла; тело было гибким и стройным, как молодой бамбук.

В белых одеждах, с венцом на волосах, Парэ была похожа на юную богиню, прекрасную, как розовое облако на рассветном синем небе. Она подошла к Кане и улыбнулась ему; он застыл и перестал дышать, – яйцо орла выпало бы из его руки, если бы не молодой жрец, успевший перехватить этот почетный трофей.

Парэ возложила на голову Кане убор из перьев птицы Моа и поклонилась ему. Толпа возликовала пуще прежнего, один лишь Кане продолжал стоять безмолвно и неподвижно.

Вечером Кане вел Капуна в деревню. Капуна был сильно пьян, перебрав хмельного напитка на пиру в честь победителя.

– Кане, ты лучший мой друг, – говорил он. – Ты лучший из всех друзей, которые только есть на свете. Я горжусь, что ты мой друг... Нет, неправильно, – я не могу гордиться, сказав «мой» друг. При слове «мой» мне становится стыдно: всё что относится ко мне – плохо. Да, да, не спорь, для тебя позор иметь такого друга, как я.

Капуна всхлипнул.

– Перестань, – Кане потряс его за плечо. – Хорошо, что нас не видят.

– А если бы и видели, пусть знают, какой я нехороший! – ударил себя в грудь кулаком Капуна. – Баба я, а не мужчина! Ведь тебе не известно главное – я бросил тебя во время состязания. Мне самому нечего было и думать о победе, но я обязан был помочь тебе. Вместо этого я спрятался в камнях у моря, – я даже не входил в воду. Никто этого не заметил, а после я вылез, облился водой и поднялся наверх, будто бы отстав от остальных. В опасном соревновании тот, кто вернулся живым, уже достоин уважения: если бы ты видел, как меня встретила Мауна! Она повисла у меня на шее, плакала и шептала трогательные слова. А я, куриный помет, – при-

нимал всё это как должное... Кане, прошу тебя, не дружи со мной, брось меня одного здесь, в темноте, на растерзание злым демонам! А лучше убей меня... Хотя нет, не оскверняй своих рук убийством такого ничтожного червя.

Капуна совсем расстроился и залился горькими слезами. Кане, посмеиваясь, утешал его:

– Ты просто выпил лишнего, и от этого несешь невесть что. Если тебе сегодня не хватило мужества, это еще не значит, что ты не мужчина.

– Но я бросил тебя, моего лучшего друга, – сквозь рыдания произнес Капуна.

– Я не просил тебя о помощи.

– Но Мауна, Мауна! Как я мог обмануть ее! – продолжал плакать Капуна.

– Ты ее не обманул: ты вернулся живым. Это для Мауны важнее твоей победы в состязании. Ты должен радоваться, что она так любит тебя.

Кане вдруг тяжело вздохнул. Капуна сквозь слезы посмотрел на него; в лице Кане было что-то странное.

– Помнишь, что я говорил перед состязанием? Я смеялся над любовью, – сказал Кане. – Богиня любви отомстила мне. Я наказан за гордыню, – я полюбил.

– Кого? – спросил Капуна, сразу забыв о своих бедах.

Кане еще раз вздохнул и коротко ответил:

– Парэ.

– О, боги! – испугался Капуна. – Выбрось из головы мысль

о ней! Любая девушка с радостью примет твою любовь, а мало ли красивых девушек на нашем острове!

– Но мне нужна только Парэ.

– Забудь, забудь о ней, Кане! Она посвящена богам; ты хочешь отнять ее у них? Боги покарают тебя за святотатство! – закричал Капуна.

– Тише, – зажал ему рот Кане. – Я всё знаю сам. Но я люблю ее, остальное – ничто по сравнению с моей любовью... А боги велики и мудры, они не станут карать за то чувство, которое сами даровали людям. Но если даже боги думают иначе, я все равно не отступлю; или Парэ станет моей женой, или я погибну.

– Ох, ох, ох! – причитал Капуна. – От твоих слов у меня ноги отнялись. Не могу идти, хоть убей.

– А может быть, это хмельной напиток подкосил тебя? – с усмешкой спросил Кане, прогоняя прочь мрачные мысли.

– Хмельной напиток? Хе-хе! Когда он сбивал меня с ног? – возмутился Капуна. – Вспомни, как на Празднике Урожая в прошлом году я выпил большой кувшин, который едва могли поднять два человека. И после этого я еще танцевал в честь великой Матери-Земли. Вся деревня видела, как я танцевал.

– Да, вся деревня видела это, – подтвердил Кане.

– А, ты помнишь? – обрадовался Капуна, не заметив подвоха. – Я и говорю, хмельной напиток не способен свалить меня с ног, – а значит, я потерял способность ходить из-за

твоих слов... Хоть убей, Кане, но мне не дойти до дома. Давай, заночуем здесь, под кустами, ибо дух этих кустов добр и охраняет путников, — а утром пойдем в деревню.

— Но нас ждут. Они наверняка уже прослышали о моей победе. Нехорошо заставлять людей ждать, — сказал Кане.

— О, не беспокойся! Они решат, что после пира ты остался ночевать в Священном поселке. Сейчас уже ночь, они легли спать. И нам надо спать. Да, спать, спать... — Капуна широко зевнул и улегся под кустом.

Кане в нерешительности постоял еще немного, а потом лег рядом с другом и скоро заснул.

Сон Кане оказался, однако, недолгим. Присутствие посторонней силы разбудило юношу. Он открыл глаза и осмотрелся. Странное сияние озарило темный луг за кустами: прищмотревшись, Кане разглядел белую фигуру, которая приближалась сюда. Его сердце дрогнуло — то была Парэ. Она не шла, а летела над травой, не касаясь земли. Парэ была прекрасна, — прекраснее, чем днем, когда он видел ее, — и она светилась, как звезда в небе.

Кане было известно, что девы, посвятившие себя богам, могут совершать всякие необыкновенные вещи, но, с другой стороны, он знал также о проделках демонов, смущающих людей призрачными видениями. Кане прочел заклинание, прогоняющее призраков, однако девушка не исчезла: стало быть, это действительно была она.

Парэ приблизилась к нему, и Кане понял, что она не толь-

ко светится, но еще излучает тепло, которое было приятнее тепла солнца или костра. Тело Кане согрелось, но еще больше согрелась его душа, – так хорошо ему еще никогда не было. Тут Парэ заговорила, и он почувствовал неземное блаженство.

– Ты полюбил меня, Кане, а я полюбила тебя, – сказала девушка. – Для любви нет преград, и вот я здесь. Мы будем счастливы, Кане. Мы будем счастливы, но прежде нас ждут тяжелые испытания. Я расскажу тебе историю, которая случилась давно. Жила на свете прекрасная девушка по имени Парэ. Она полюбила юношу, но затем отвергла его. Глубоко уязвленный ее отказом, он убежал прочь. Когда Парэ поняла свою потерю, она умерла от горя. Парэ спустилась в страну ночи, где находятся мертвые и где правит Хина, первая женщина на земле. А юноша тосковал о Парэ и с помощью Хины тоже последовал за Парэ в подземный мир. Почему Хина помогла ему? Потому, что она тоже познала муки любви.

Но Парэ затерялась среди множества духов мертвых, и юноша не мог разыскать ее. Наконец, он привлек к себе ее внимание, согнув молодое деревце и подпрыгнув высоко вверх. Так Парэ увидела своего любимого и стала играть вместе с ним. Они раскачивались на дереве, взлетая все выше и выше, и, наконец, смогли ухватиться за корни растений, спускавшиеся из верхнего земного мира. Так они смогли выбраться из страны мертвых.

Но никто не может жить в земном мире без души – за ис-

ключением времени сумерек, когда день встречается с ночью, или ночь сменяется днем. Только вечером или на рассвете влюбленные были счастливы. Однако юноша сумел вернуть душу Парэ в ее тело; когда же тело девушки ожило, Парэ и юноша поженились и стали родоначальниками большого племени... Откуда у юноши взялась волшебная сила, чтобы заставить душу Парэ войти в ее тело? Просто любовь сильнее смерти...

– Как звали юношу? – спросил Кане, не слыша своего голоса.

Парэ вместо ответа взглянула на него, и он зажмурилась от ее лучистого взгляда. Открыв глаза, Кане уже не увидел Парэ, – она исчезла. Но в небесах воссияли звезды бесчисленными огнями, и Кане возрадовался их свету. Он понял, что на земле не исчезнет любовь, пока на небе не угаснут звезды.

* * *

В Священном поселке праздничный пир продолжался до утра. По обычаю, еды и питья было заготовлено столько, что хватило бы всем жителям острова, вздумай они прийти сюда. Такое расточительство оправдывалось заботой о единстве островитян – ведь на праздниках люди сближаются. И действительно, раньше на пирах в Священном поселке собиралось множество людей: здесь совершались примирения,

здесь отказывались от мести; здесь делили имущество и договаривались о женитьбе. Немоощных стариков – и тех привозили в Священный поселок их родственники, дабы они порадовались напоследок, глядя на веселящийся народ.

Но теперь на пирах было немногочленно, жители острова предпочитали справлять праздники в своих деревнях: страх перед великим вождем Араваком заставлял их сидеть дома. Аравак пугал людей свирепостью нрава и невероятной силой. Был случай, когда вождь в гневе разметал все дома в деревне, – а один раз случилось поспорить с вождем некоему жителю острова, так Аравак закинул его на вершину горы, и бедняге пришлось два дня спускаться с нее.

Мало того что вождь был самым могущественным человеком на острове, – он был еще и святым. Взять, к примеру, верховного жреца Баиру, – уж кто свят, как не он, однако и Баира признавал святость Аравака и относился к вождю с неизменным уважением. А если вспомнить, как Аравак умел предугадывать будущее, как он управлял жизнью островитян, как ловко он распоряжался их доходами, и многое, многое, многое другое, – то отпадали последние сомнения в его богоизбранности. Еще и поэтому люди избегали посещать Священный поселок без особой надобности: святость вызывает трепет, ведь неизвестно, чем она обернется для соприкоснувшегося с ней, – добром или худом...

В ночь после Праздника Птиц на пиру в Священном поселке остались лишь те, кто был приближен к Араваку.

Вождь был строго и с ними, но не через меру; уже само по себе это свидетельствовало о милости вождя. А сегодня они особенно ценили его доброту, потому что вождь был в плохом настроении: его сын Тлалок проиграл в состязании сыну рыбака.

Тлалок тоже был на пиру, и все видели, как он злится. Сын вождя сидел насупленный, то и дело стискивал кулаки и бормотал что-то сквозь зубы. Еда, стоявшая перед ним, осталась нетронутой.

Аравак хмурился, глядя на сына, и, наконец, не выдержал и сказал ему:

– Очень плохо, что ты проиграл состязание, но еще хуже показывать всем, как это плохо. О твоём поведении на пиру станет известно завтра всему острову, и тогда считай, что ты проиграл во второй раз. Но ты сын вождя, и то, что прощается другим, не простится тебе. Два проигрыша за один день – это слишком много для тебя. Люди начнут терять веру в Тлалока, а если они потеряют веру, как ты будешь править, когда меня уже не будет на свете?

– Проклятый сын рыбака, – процедил Тлалок. – Ему просто повезло, а болтают, что он сильнее меня, и Большая Птица покровительствует ему.

– Пусть болтают, – отвечал Аравак. – Рано или поздно мы заткнем рот болтунам. Они пожалеют о том, что распустили языки. Но пока смирись с их болтовней; если не можешь покарать их, сделай вид, что согласен с ними. Да, в этом году

Большая Птица выбрала сына рыбака, – что же, в том ее воля, а возможно, ее каприз. Но в следующем году победителем будешь ты, в чем нет никаких сомнений. Так и говори всем, и не будь мрачен. Я могу быть мрачным, переживая за тебя, но не ты. Ты проиграл, но обязан выглядеть как победитель. Не серди меня, Тлалок, ешь и пей, как подобает на пиру.

– Хорошо, отец, – Тлалок взял кусок куриного мяса и принялся жевать.

– Баира, верховный жрец, расскажи нам что-нибудь о богах. В день святого праздника следует не только веселиться, но и вспомнить о божественном, – сказал Аравак.

Баира вздохнул и начал говорить, нараспев и заунывно:

– Наш мир – часть Вселенной, а Вселенная была всегда. Когда-то она являлась просто большим Хаосом, сущим, но не существующим, а потом разделилась на две половины, и стала существовать. Одна ее половина – свет, Небо-Отец, мужское начало; другая – тьма, Мать-Земля, женское начало.

Боги родились от союза Неба-Отца и Матери-Земли, чей брак был счастливым: они породили семьдесят детей-богов. Но тогда еще не было места, чтобы эти дети могли расти, потому что земля и небо еще не отделились друг от друга.

Один из богов, Бог Войны, предложил своим братьям и сестрам убить отца. Другие боги пришли в ужас от этого предложения. Но Бог Войны ничем не отличался от жестоких людей, которые считают, что убийство – это решение лю-

бой проблемы.

Ласковый Бог Лесов, предложил более разумную мысль, — как и полагалось тому, кому хватает терпения, чтобы дождаться, пока крошечные семена прорастут и превратятся в огромные деревья, достающие до небес. Он предложил своим младшим братьям и сестрам просто разъединить Отца-Небо и Мать-Землю. Это предложение понравилось всем богам, кроме Бога Ветра, который заревел громким голосом в знак несогласия.

Бог Земледелия попытался отделить небо от земли, но смог отдалить их друг от друга лишь на высоту растения таро. Этого было недостаточно. Бог Моря тоже попытался, но поднял небо от земли лишь на высоту волны, но и этого было мало. Потом за дело взялся Бог Диких Плодовых Деревьев, но расстояние от земли до неба получилось не больше высоты бананового дерева.

Терпеливый Бог Лесов смотрел на тщетные усилия своих братьев. Наконец, он решил отделить небо от земли, встав на голову и оттолкнув небо ногами. Медленно и неторопливо бог лесов начал отталкивать небо от земли. Именно так деревья до сих пор разделяют небо и землю.

Родители богов закричали и застонали, отделяясь друг от друга. Но когда пространство между ними стало больше, тьма и свет разделились. Теперь стало достаточно места для богов, деревьев, людей и животных.

Но Отец-Небо до сих пор печалится в разлуке с Мате-

рю-Землей, и его слезы каждое утро падают на землю росой, а иногда проливаются дождем.

– Твой рассказ очень хорош, Баира, верховный жрец, – сказал Аравак. – Он показывает, что и у людей те же мысли, которые посещают богов. Сыновья завидуют своим отцам, им тесно вместе. Когда я вошел в силу, мне нестерпима стала власть моего отца. Когда мой сын войдет в силу, ему станет нестерпима моя власть. Отец должен уйти на небо, чтобы освободить место своим сыновьям, – так велят боги.

– Но я не хочу, чтобы ты уходил! – воскликнул Тлалок.

– Пока ты слаб, ты этого не хочешь. Но придет время...

– Но отец!..

– Мой сын Тлалок будет сильнее всех на этом острове! – не слушая его, закричал Аравак.

– Да, он будет сильнее всех! Он будет сильнее всех на острове! – подхватили пирующие.

– И тогда он станет вождем, – резким не терпящим возражений тоном проговорил Аравак и обвел людей своим невыносимым тяжелым взглядом. Сидящие за столом потупились и съежились, а Баира пробормотал:

– Кому же еще и быть вождем, как не самому сильному...

– Проклятый Кане, – сжал кулаки Тлалок, а глаза его налились кровью.

– Молчи, – прошептал Аравак. – Боги помогут нам восстановить справедливость.

Небольшая деревня, в которой жили Кане и его друг Капуна, находилась в двух часах ходьбы от Священного поселения. Мужчины деревни охотились на птиц в дремучих лесах и ловили рыбу в озерах и в море; женщины занимались выращиванием батата, – и даже те из них, которые имели грудных детей, выходили работать на поля.

Под палящими лучами солнца, положив детей в котомки за спиной, женщины засеивали, пропалывали и собирали батат. Так было надо, ведь женщины умеют рожать и знают, как сделать, чтобы семя принесло плоды; в этом деле мужчинам с ними не сравняться.

Кроме того, женщины разводили птиц для продажи и для еды, а также ради перьев, чтобы делать свои нарядные одежды. Женщины также ткали и пряли, и расплачивались этими работами друг с другом, причем, ткать и прясть было удовольствием для них, потому что за этими занятиями можно было всласть посплетничать.

В деревне строго соблюдались все старинные обычаи, и за этим следили опять-таки женщины, ибо мужчины, по своему легкомыслию и привычке ломать и переделывать старое, могли нарушить привычный порядок, и тогда наступил бы хаос. Женщины были набожны и религиозны, они очень почитали своих идолов, возжигая им курения и принося в дар

одежду, кушанья и напитки; но при всем этом они не имели права проливать кровь в жертву богам и никогда не делали этого.

На праздничных пирах женщины пили хмельной напиток, подобно мужчинам, но не в таком количестве, — и скоро уходили с пиршества, покидая мужское общество. В семейной жизни женщины были благоразумны, но подвержены ревности: они не могли вытерпеть, когда мужчина, поддавшись искушению демонов, начинал домогаться другой женщины. Случалось, что жены налагали руки на тех, кто вызвал ревность, — и часто замужние женщины были столь гневны и раздражительны, что некоторые имели обыкновение драть за волосы мужей, делая это, впрочем, с ними изредка.

Мауна, которая по праву считалась невестой Капуны, была из лучших девушек деревни: она отличалась крепким телосложением, неутомимостью в работе, выносливостью и зычным голосом. Все деревенские парни завидовали Капуне, и сам он не понимал, почему Мауна полюбила именно его, а не Кане, например, — но то, что творится в девичьих сердцах, всегда было тайной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.